Годъ Сороковой

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости.

№ 28-29.

21 Іюля 1902 года.
ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Подписная цѣна съ пересылкою 5 рублей.
Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣд. за прошедшіе годы по 5 коп., а за 1897, 1898, 1899 г., 1900 и 1901 г. по 10 к. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
" два раза 15 "
" три раза 20 "

СОДЕРЖАНІЕ № 28—29.

Дѣйствія Правительства.

— Указомъ Свят. Синода отъ 3 іюля за № 5070 священникъ Виленскаго каѳедральнаго собора *Михаилъ Плиссъ* назначенъ штатнымъ членомъ Литовской духовной консисторіи.

Мѣстныя распоряженія.

— За назначеніемъ градскаго (г. Вильны) благочиннаго священника Михаила Плисса штатнымъ членомъ Литовской консистотіи, виленскимъ градскимъ благочиннымъ назначенъ виленскій уѣздный благочинный священникъ Пречистенскаго собора *Лука Смоктуновичъ*.

— 26 іюня псаломщикъ Ковенскаго Александро-Невскаго собора *Михаилъ Смородскій* перемѣщенъ, по прошенію, въ Гродненскую епархію на ту же должность.

— 6 іюля священникъ Радивонишской церкви, Лидскаго уѣзда, *Ѳеодоръ Кунаховичъ* перемѣщенъ, согласно прошенію, къ Очикштынской церкви, Вилкомірскаго уѣзда.

6 іюля священникъ Замошской церкви, Дисненскаго уѣзда, *Николай Шелетинъ* перемѣщенъ, согласно прошенію, къ Леонпольской церкви, того же уѣзда.

— 11 іюля священникъ Друйской Преображенской церкви, Дисненскаго уѣзда, *Михаилъ Бирюковичъ* перемѣщенъ въ с. Мыто, Лидскаго уѣзда.

— 11 іюля священникъ Мытской церкви, Лидскаго уѣзда, *Іосифъ Куницкій* перемѣщенъ, согласно прошенію, къ Глубокской церкви, того же уѣзда.

— 9 іюля утверждены въ **должности церковныхъ старостъ** на три года выбранные къ церквамъ: 1) Гончарской, Лидскаго уѣзда, кр. с. Гончаръ Александръ Осиповъ Кучинскій—на третье трехлѣтіе; 2) Кронской, Трокскаго уѣзда, кр. с. Новые Крони Евфимъ Ѳедоровъ Зарембо; 3) Забрезской, Ошмянскаго уѣзда, кр. д. Студенцы Осипъ Ѳоминъ Марговка—на 3-е трехлѣтіе; 4) Радзивилишской, Шавельскаго уѣзда, начальникъ 2 дистанціи Либаво-Ром. ж. дороги инженеръ-строитель Николай Кивокурцевъ; 5) Ильской Ильинской, Вилейскаго уѣзда, кр. м. Ильи Антонъ Даниловъ Крень.

Относительно полученія пособія за сей 1902 годъ, на капиталы въ процентныхъ бумагахъ въ возмѣщеніе 5% Государственнаго налога.

(*Къ свѣдѣнію и исполненію духовныхъ учрежденій*

и духовенства Литовской епархіи).

Литовская Консисторія симъ поставляетъ въ извѣстность Правленія семинаріи и училищъ, Братства, монастыри и причты церквей Литовской епархіи, коимъ причитается пособіе изъ казны взамѣнъ 5% налога, взимаемаго съ доходовъ отъ капиталовъ, принадлежавшихъ симъ учрежденіямъ до 17 іюля 1885 года, что Консисторіею сдѣлано сношеніе съ Казенными Палатами Виленской и Ковенской губерніи о разъассигнованіи сего пособія, отпущеннаго на 1902 годъ, на подлежащія Казначейства, и что, затѣмъ, симъ учрежденіямъ слѣдуетъ озаботиться полученіемъ этого пособія въ порядкѣ (по полугодіямъ) полученія таковаго-же въ прошломъ году и непремѣнно руководствуясь при этомъ разъясненіями, изложенными въ отношеніяхъ Консисторіи учрежденіямъ отъ 27 ноября 1892 года и 6 іюня 1895 года, и духовенству въ указахъ отъ 26 ноября 1892 года и 6 іюня 1895 года т. е., не получать этого пособія по тѣмъ %% бумагамъ, которыя имѣли временное назначеніе и капитальная сумма которыхъ уже израсходована.

Мѣстныя извѣстія.

— **Архіерейскія служенія.** 7 сего іюля, въ недѣлю 5 по Пятидесятницѣ, Его Высокопреосвященство совершилъ божественную литургію въ загородной церкви архіерейскаго дома—въ Тринополѣ, въ сослуженіи братіи Свято-Духова монастыря.

— 14 іюля въ недѣлю 6 по Пятидесятницѣ, Его Высокопреосвященство совершилъ божественную службу въ церкви Виленскаго Маріинскаго женскаго монастыря въ сослуженіи мѣстнаго духовенства и др. Во время малаго входа возведена въ санъ игуменіи настоятельница Березвечскаго Рождество-Богородичнаго женскаго монастыря Сергія.

— 11 іюля Его Высокопреосвященствомъ удостоенъ награжденія похвальнымъ листомъ за долголѣтнюю усердную службу староста Радивонишской церкви крестьянинъ Илія Зайко.

— **Пожертвованіе.** О. Протоіереемъ І. И. Сергіевымъ на церковно-приходскія нужды въ девяти приходахъ Литовской епархіи прислано девятьсотъ рублей, по сто рублей на каждый приходъ, а именно: Вязынской церкви, Вилейскаго уѣзда, Шумской, Виленскаго, Друйской Благовѣщенской, Дисненскаго, Голомысльской, того же уѣзда, Лужецкой, того же уѣзда, Цицинской и Сморгонской Михайловской, Ошмянскаго уѣзда, Яновской, Ковенскаго уѣзда и Веселовской, Новоалександровскаго уѣзда.

— **Пожертвованіе.** С.-Петербургскимъ градоначальникомъ ген.-лейтенантомъ Н. В. Клейгельсомъ пожертвовано на нужды Дуниловичской церкви, Вилейскаго уѣзда, 100 рублей и шитые золотомъ бархатные воздухи въ 35 рублей.

— **Кража.** 29 іюня обнаружена кража въ Вилейской Георгіевской церкви 60 руб. свѣчныхъ денегъ и кружки съ нѣсколькими копѣйками. Злоумышленникъ остался наканунѣ на церковномъ чердакѣ, проникнувъ туда чрезъ колокольню, ночью спустился во внутрь храма, и затѣмъ съ чердака чрезъ слуховое окно вылѣзъ на крышу и спустился съ оной по длинному ветхому ковру, тамъ бывшему.

Отъ Правленія Минскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства.

23—28 августа.

Переэкзаменовки воспитанницъ училища и дополнительные экзамены не державшимъ таковыхъ предъ лѣтними каникулами текущаго года.

30 августа. Сборъ воспитанницъ и раздача книгъ.

31 августа. Молебенъ и начало уроковъ.

Совѣтъ Антолептской женской второклассной школы симъ объявляетъ, что въ названную школу принимаются дѣти всѣхъ сословій, въ возрастѣ отъ 13 до 17 лѣтъ, православнаго вѣроисповѣданія. Желающія поступить въ 1-й классъ подвергаются экзамену въ объемѣ курса одноклассной церк.-приходской школы. Во 2-й классъ принимаются лица, успѣшно выдержавшія испытанія по программѣ для двухклассныхъ ц.-прих. школъ. Окончившія курсъ двухклассной церк.-приходск. школы принимаются во 2-й классъ безъ экзамена. Предпочтеніе будетъ оказано лучшимъ по подготовкѣ, ученицамъ, причемъ особенное вниманіе будетъ обращено на способности поступающихъ въ школу къ церковному пѣнію. Всѣ принятыя въ школу воспитанницы проживаютъ въ общежитіи, съ платою за продовольствіе пищею по 40 руб. въ годъ, по полугодіямъ: въ сентябрѣ и январѣ. Воспитанницы же, остающіяся въ школьномъ общежитіи на праздники Рождества Христова и Св. Пасхи, уплачиваютъ за продовольствіе пищею по 42 рубля въ годъ. Кромѣ того, одежду домашнюю и теплую, бѣлье, обувь и постельныя принадлежности ученицы обязаны имѣть собственныя и въ достаточномъ количествѣ.

Вакансій на полное содержаніе отъ женскаго монастыря, при которомъ школа находится, не имѣется.

Пріемныя испытанія будутъ произведены 11-го сентября. Прошенія о допущеніи къ экзамену подаются на имя начальницы школы, настоятельницы Ан-

толептскаго женск. монастыря, игумении Алексіи. При прошеніяхъ прилагаются: метрическая выпись о рожденіи и крещеніи, свидѣтельство объ окончаніи начальнаго училища, удостовѣреніе врача о благонадежности здоровья и обязательство исправно вносить установленную за содержаніе плату.

Почт. ст. Довгели, Ков. губ., Новоалександровскаго уѣзда. Желѣзнодорожная ст. Уцяны узко-колейнаго подъѣздного пути въ 25 верстахъ отъ м. Антолептъ.

ВРЕМЕННЫЯ ПРАВИЛА

помѣщеній для больныхъ духовнаго вѣдомства въ с. Сакахъ, Евпаторійскаго уѣзда.

§ 1. Помѣщенія для больныхъ духовнаго вѣдомства состоятъ пока изъ двухъ корпусовъ, въ коихъ имѣется 18 комнатъ разныхъ размѣровъ, т. е. съ одной или съ нѣсколькими кроватями, и съ необходимой комнатной обстановкой. Корпуса эти находятся на землѣ, принадлежащей Сакской Ильинской церкви.

§ 2. Означенныя помѣщенія состоятъ подъ покровительствомъ Таврическаго Архипастыря. Главный надзоръ и управленіе помѣщеніями принадлежитъ Таврической Духовной Консисторіи, а ближайшее завѣдываніе ввѣряется священнику Сакской Ильинской церкви, по назначенію Епархіальнаго Начальства.

§ 3. Помѣщенія открыты съ 25 Мая по 1 Сенсября, т: е. во все продолженіе лѣчебнаго сезона въ Сакской земской грязелѣчебницѣ.

§ 4, Лица духовнаго вѣдомства, желающія занять комнату въ означенныхъ помѣщеніяхъ, обращаются къ завѣдующему сими помѣщеніями, Сакскому священнику. При заказѣ комнаты должно быть означено: а) около какого времени желаютъ занять комнату; б) со сколькими кроватями: в) подробный адресъ для писемъ и телеграммъ, съ отнесеніемъ почтовыхъ расходовъ на счетъ заказчиковъ и г) задатокъ въ размѣрѣ стоимости комнаты за 8 дней (т. е. не менѣе 10 рублей).

§ 5. Желающіе занять комнату принимаются въ три очереди: а) съ 25 мая по 25 іюня; б) съ 25 іюня по 25 іюля и в) съ 25 іюля до конца сезона. Заявленія, въ какую очередь желаютъ имѣть комнату, должны быть присылаемы заблаговременно (т. е. за 10 дней), чтобы завѣдующій могъ напередъ знать сколько комнатъ въ извѣстную очередь можетъ быть занято лицами духовнаго вѣдомства.

§ 6. Желающіе принимаются въ помѣщеніе лишь съ начала каждой очереди; не явившіеся въ помѣщенія въ первыя 4 дня каждой очереди и не приславшіе увѣдомленія считаются выбывшими и ихъ комнаты могутъ быть отданы другимъ, а задатокъ поступаетъ въ доходъ помѣщеній.

§ 7. Лица духовнаго вѣдомства, занимающія комнату, обязательно имѣютъ тамъ же и домашній столъ; росписаніе кушаній на каждую недѣлю составляется завѣдующимъ, совмѣстно съ квартирантами и утверждается врачемъ земской грязелѣчебницы.

§ 8. Домашній столъ состоитъ изъ утренняго и вечерняго чая съ хлѣбомъ и, по желанію, съ лимономъ или молокомъ, завтрака изъ одного блюда, обѣда изъ двухъ блюдъ и ужина изъ одного блюда. Во время „потѣнія" дается „кипятокъ".

§ 9. Всѣмъ рекомендуется запастись возможно большимъ количествомъ носильнаго бѣлья.

§ 10. Куреніе табаку и употребленіе спиртныхъ напитковъ воспрещается.

§ 11. За пользованіе кроватью со столомъ съ одного лица взимается по 40 руб. въ мѣсяцъ.

§ 12. Въ каждомъ корпусѣ къ услугамъ пріѣзжающихъ имѣются лакей и горничная, которые обязаны быть вѣжливыми при услугахъ; жалобы на прислугу приносятся о. завѣдующему.

§ 13. Если въ помѣщеніяхъ окажутся комнаты, не занятыя лицами духовнаго вѣдомства, таковыя могутъ быть сдаваемы и лицамъ другихъ вѣдомствъ, со столомъ или безъ стола, каждый разъ по особому соглашенію съ о. завѣдующимъ.

§ 14. При помѣщеніяхъ имѣется контора, въ каковую, на случай надобности, о. завѣдующій приглашаетъ на время сезона конторщика за особое вознагражденіе. Въ теченіи же всего года имѣется лишь дворникъ, въ сезонное время исполняющій обязанности и комиссіонера.

§ 15. Въ конторѣ имѣются: домовая книга, денежная квитанціонная книга, приходо-расходныя книги и инвентарная. Обязанность веденія книгъ сихъ возлагается на о. завѣдующаго или, подъ его наблюденіемъ и руководствомъ на конторщика. Ежегодно о. завѣдующій, по окончаніи сезона, представляетъ въ Консисторію выработанныя помѣщеніями деньги, а книги съ подробнымъ отчетомъ представляетъ на ревизію въ Консисторію же къ 1 ноября.

Особаго опредѣленнаго вознагражденія о. завѣдующему, по новости дѣла, не назначается, но каждый годъ Консисторія, если позволятъ средства, опредѣляетъ размѣръ единовременнаго вознагражденія ему съ утвержденія Его Преосвященства.

§ 16. При представленіи отчета, о. завѣдующій, по указанію опыта, представляетъ и смѣту необходимыхъ къ слѣдующему сезону ремонтовъ и новыхъ пріобрѣтеній.

§ 17. Изъ прибылей,—75 руб. ежегодно отчисляется въ пользу мѣстной Сакской Ильинской церкви за право пользованія землей. Остальная прибыль, по удовлетвореніи всѣхъ расходовъ по ремонту и по пріобрѣтенію необходимыхъ для помѣщеній принадле-

жностей, поступаетъ въ уплату долга, сдѣланнаго при постройкѣ помѣщеній. По покрытіи всего долга, прибыль употребляется на расширеніе и улучшеніе помѣщеній.

Правила эти, по указанію опыта, съ разрѣшенія Его Преосвященства, могутъ быть дополняемы и измѣняемы.

Предсѣдатель Комиссіи,

Протоіерей *Александръ Сердобольскій.*

Члены Комиссіи: Протоіерей *Михаилъ Марковъ.*

Священ. *Василій Никольскій.*

Инспекторъ Семин. *Григорій Соколовъ.*

Священ. *Веніаминъ Поповъ.*

Врем. исп. обяз. Секретаря

Консисторіи *Николай Николаевъ.*

А) ВАКАНТНЫ МѢСТА СВЯЩЕННИКОВЪ —

Дисненскаго — с. Залѣсьѣ (4).
— с. Римкахъ (3).
„ — с. Замошвѣ (1).
— при Березвечскомъ жен. мон. (1).
— при Друйской Преображ. ц. (1).
Лидскаго — с. Радивонишкахъ (1),
Трокскаго — въ г. Трокахъ (1).

Б) ВАКАНТНЫ МѢСТА ПСАЛОМЩИКОВЪ—

Ковенскаго — при Ковен. Алек.-Нев. соборѣ (1)

Неоффиціальный отдѣлъ.

Высота пастырскаго служенія.

Ревностное выполненіе обязанностей каждымъ изъ насъ вытекаетъ непосредственно изъ яснаго и отчетливаго сознанія своего служебнаго долга, потому каждому, принимающему на себя извѣстный служебный долгъ, надлежитъ уяснить себѣ, что отъ него требуется, и какъ онъ долженъ повести свое дѣло, что-бы служеніе его принесло дѣйствительную пользу, а не причинило-бы вреда ему и довѣрившимся ему. И чѣмъ выше и отвѣтственнѣе постъ, тѣмъ большаго размышленія и вниманія требуетъ онъ отъ вступившаго на него.

Но изъ всѣхъ служеній на землѣ самое высшее и отвѣтственное пастырское служеніе, поэтому, чтобы достойно проходить его и не подпасть строгому суду, „нужно прежде всего,—скажемъ словами св. Амвросія Медіоланскаго, познать достоинство священства“. И „чѣмъ чаще мы будемъ размышлять о достоинствѣ священства, говоритъ приснопамятный Высокопреосвящ. Сергій м. Московскій, тѣмъ лучше познаемъ, какія высокія обязательства мы принимаемъ на себя вмѣстѣ съ этимъ саномъ; чѣмъ лучше познаемъ священныя обязанности, тѣмъ удобнѣе и вѣрнѣе можемъ исполнять ихъ; чѣмъ достойнѣе будемъ нести священный санъ, тѣмъ болѣе и болѣе возвыситъ онъ насъ своимъ достоинствомъ“ (Богослов. Вѣстникъ 1900 г., сентябрь). Итакъ каждому пастырю, для достойнаго прохожденія своего служенія, необходимо уяснить себѣ, въ чемъ заключается достоинство священства, высота пастырства. Размышляя объ этомъ, Высокопреосвящ. м. Сергій высказываетъ слѣдующія мысли: „когда представляемъ составъ служенія пастырскаго, то приходимъ въ недоумѣніе, какое можетъ быть еще служеніе выше на землѣ. Служитель Божій поставленъ между небомъ и землею и, принадлежа небу по происхожденію своихъ обязанностей, онъ принадлежитъ землѣ по исполненію ихъ. Посланникъ Божій предъ людьми, ходатай человѣковъ, служитель алтаря есть посредникъ между Творцомъ и тварію. Онъ пріемлетъ съ неба то, что низводитъ на землю; онъ взимаетъ отъ земли то, что возноситъ къ небу. Священство есть таинственная лѣствица, видѣнная во снѣ Іаковомъ, которой подножіе было на землѣ, но которой глава досягала до небесъ, и вверху которой утверждался Господь. Служители церкви—это суть ангелы, которыхъ видѣлъ патріархъ восходящими и нисходящими по лѣствицѣ, что-бы сохранить общеніе между небомъ и землею“. (Тамъ же). Подобный взглядъ на пастырское служеніе мы находимъ и у такихъ свѣтилъ вселенской церкви, какъ св. Василій В., Григорій Б. и Іоаннъ Златоустъ. Ихъ души обнималъ благоговѣйный трепетъ, когда они взирали на священство. Высота пастырскаго служенія заключается и въ той цѣли, для которой установлено пастырство, и въ тѣхъ святѣйшихъ средствахъ, которыми эта цѣль достигается.

Цѣль пастырскаго служенія—привести людей къ Богу. Это та цѣль, для которой приходилъ Сынъ Божій на землю—взыскать и спасти погибшее. Что цѣлъ пастырства дѣйствительно однородна съ цѣлію пришествія на землю Сына Божія, это можно видѣть изъ тѣхъ словъ Его, въ которыхъ Онъ сравниваетъ ихъ посольство на проповѣдь съ Своимъ посольствомъ отъ Отца въ міръ:“ какъ послалъ Меня Отецъ такъ и Я посылаю васъ“ и „какъ Ты послалъ Меня въ міръ, говоритъ Спаситель въ первосвященнической молитвѣ къ Отцу, такъ и Я посылаю ихъ“ (Іоан. 20, 21; 17, 18.). Устроеніе пастырями спасенія людей еще яснѣе можно видѣть и изъ слѣдующихъ словъ, сказанныхъ Спасителемъ въ лицѣ ближайшихъ своихъ учениковъ всѣмъ пастырямъ: „идите по всему міру и проповѣдуйте евангеліе всей твари. Кто будетъ вѣровать и крестится, спасенъ будетъ;

а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ“ (Мар. 16. 15—16). Эту цѣль въ своемъ служеніи видѣли и сами апостолы, почему они и называли себя то строителями дома Божія—церкви, то соработниками Божіими, то пастырями, то Христовымъ благоуханіемъ (1 Кор. 3, 9, 10; Еф. 3, 20; 1 Петр. 5, 1—4; 2 Кор. 2, 14—16). Эту же цѣль апостолы видѣли и въ служеніи своихъ преемниковъ, какъ можно видѣть это изъ начальныхъ стиховъ (1—4) пятой главы перваго посланія ап. Петра. Сообразно этой высокой цѣли священства, пастыри, по выраженію св. Григорія Богослова, должны „открыть душу (пасомаго), исхитить изъ міра и предать Богу, сохранить образъ Божій, если въ опасности, обновить, если поврежденъ, вселить Христа въ сердца Духомъ (Тамъ же). Но какъ пастырямъ достигнуть всего этого? Для достиженія столь высокой цѣли имъ даны не менѣе высокія и средства въ учительствѣ, таинствахъ и той власти, которыя открываютъ въ пастырствѣ что-то неземное, небесное, высокое, божественное, идеальное святѣйшее,—которыя то подвергаютъ пастыря въ глубину смиренія, то окрыляютъ, воодушевляютъ его въ борьбѣ съ сильнымъ грѣшнымъ міромъ. Чтобы яснѣе представить всю высоту и, если можно такъ выразиться, всю прелесть этихъ трехъ святѣйшихъ обязанностей, разсмотримъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности, по руководству м. Сергія. „Учительское дѣло настолько превосходнѣе всякаго другаго, насколько духъ важнѣе плоти и насколько божественное выше человѣческаго. Объ этомъ говоритъ какъ его происхожденіе, такъ предметъ, цѣль и вліяніе его на людей. Такъ наше учительство и нашихъ учителей установила сама воплощенная Премудрость. Которая окончила свое дѣло не тѣмъ только, что послала ихъ на проповѣдь и весь міръ предала имъ въ ученики, но и тѣмъ, что непреложно обѣщала Своимъ посланникамъ дать уста и премудрость, которой-бы не могли болѣе противиться мудрые вѣка сего. Предметъ же его составляетъ то, что въ мірѣ выше всего, что управляетъ міромъ, что господствуетъ надъ нимъ,—Богъ, Его отношеніе къ людямъ и людей къ Нему. А потому чрезъ посредство учителей вѣры дѣлаются достояніемъ младенцевъ по вѣрѣ тѣ великія истины, „въ которыя желаютъ проникнуть ангелы“. Но пастыри не столько преподаватели истинъ неизвѣстныхъ, сколько врачи, дающіе прямое направленіе уму врачуемыхъ, исправляющіе ихъ волю, очищающіе ихъ сердце отъ вредныхъ наростовъ. Они научаютъ, какъ торжествовать среди немощей, предостерегаютъ отъ опасностей смерти духовной, путеводятъ къ жизни вѣчной, нерѣдко наказуютъ своихъ питомцевъ и словомъ обличенія, чтобы тѣмъ крѣпче соединить ихъ со Христомъ, дабы они причастились святыни Его. И имъ внимаютъ образованные такъ же послушно и безмолвно, какъ и простые. Люди, гордые умомъ, любящіе, чтобы въ ушахъ другихъ раздавался только звукъ ихъ голоса, умолкаютъ и внимаютъ, когда возвышаетъ гласъ свой сильный силою слова Божія пастырь, и онъ простотою евангельскаго ученія разсѣкаетъ узлы лжеименнаго разума, возвращаетъ къ своему долгу сильныхъ земли. А во время общественныхъ несчастій чье вліяніе бываетъ сильнѣе, какъ не пастырей церкви? Ихъ голосъ принимаютъ, какъ голосъ свыше; ихъ указаніямъ слѣдуютъ, какъ видимымъ мановеніямъ Промысла, ихъ утѣшеній жаждутъ, какъ утѣшеній ангельскихъ; ихъ жизнь берегутъ, что-бы сохранить свою жизнь“. (Бог. Вѣстн.) Такъ важно учительство пастырей, и такъ важны пастыри, какъ учители вѣры!— Но обязанность пастыря не исчерпывается однимъ только учительствомъ, но заключается еще въ освященіи людей благодатію Божіею, низводимою на нихъ по молитвамъ пастыря. Въ этомъ усматривается еще большая высота, достоинство священства. Ибо „подобно тому, большее какъ владыки міра желаютъ, что-бы нужды подданныхъ восходили къ нимъ чрезъ посредство ихъ служителей, и чтобы тѣ-же приближенные къ нимъ были потоками ихъ милостей, изливающихся на подданныхъ,—Владыка всяческихъ устроилъ, что-бы наши молитвы, обѣты, нужды восходили къ престолу благодати чрезъ служителей благодати, что-бы сіи избранники были раздаятели даровъ, исходящихъ изъ сокровищницы небесной. И въ посредничествѣ ихъ дѣйствуетъ самъ Христосъ Своею таинственною силою. Такъ, они возносятъ къ Отцу небесному молитвы земныхъ чадъ Его, Христосъ представляетъ Ему эти молитвы, какъ единый Ходатай Бога и человѣковъ. Они совершаютъ таинство,—Христосъ укрѣпляетъ ихъ благодатію, дабы совершаемое ими имѣло свою силу и дѣйственность для того, надъ кѣмъ совершается. Они произносятъ отпущеніе грѣховъ,—Христосъ, невидимо предстоящій грѣшнику, утверждаетъ ихъ разрѣшеніе ими даруемое; они приносятъ безкровную жертву за спасеніе міра,—Самъ Христосъ при семъ бываетъ приносителемъ и совершителемъ тайны, ибо Онъ, по слову молитвы, есть и приносяй, и приносимый, и пріемляй, и раздаваемый“. Нѣтъ ни одного дѣйствія въ священнослуженіи, которое-бы не заимствовало своей силы и дѣйственности отъ его содѣйствія. Отсюда понятнымъ становится выраженіе св. Григорія Богослова, что священникъ священнодѣйствуетъ со Христомъ“. (Бослов. Вѣстн.). О, какъ великъ священникъ съ этой стороны своего служенія! Не является ли онъ здѣсь живымъ отображеніемъ Христа, этого единаго примирителя людей съ Богомъ и ходатая за нихъ предъ Отцомъ, освятителя и обновителя ветхаго человѣка? Будучи

служителемъ такой великой святыни, не долженъ-ли и самъ священникъ быть святынею, исполненною Духа святаго? Да, какъ выдѣленный изъ страстнаго міра, на служеніе Богу для спасенія тлѣющаго въ похотяхъ грѣшнаго міра, пастырь долженъ быть безстрастнымъ, весь чистота и святость, живое отображеніе предначертаннаго для христіанина идеала въ лицѣ Самаго Христа Спасителя; „душа его, по выраженію Златоуста должна блистать красотою со всѣхъ сторонъ“ (1-й т. изд. Петер. Д. акад.), „сіять подобно свѣту, озаряющему вселенную“ (Злат,). Такою чистотою долженъ быть украшенъ пастырь и въ силу той власти, которою Господь облекъ его. Его смертнаго и тлѣннаго Господь, какъ-бы вмѣсто Себя, поставилъ на землѣ судьею дѣлъ человѣческихъ, рѣшающимъ вѣчную участь человѣка, „ибо Спаситель, ввѣряя пастырямъ право суда, запечатлѣлъ силу его такою великою и непреложною важностію, что все, связанное ими на землѣ, будетъ связано на небеси. Св. Златоустъ замѣчаетъ: „и земные владыки имѣютъ власть связывать, но только тѣла, а тѣ узы, т. е. налагаемыя священниками связываютъ душу, проникаютъ небеса, и что священники опредѣляютъ на землѣ, то самъ Богъ утверждаетъ на небѣ, Господь согласуется съ мнѣніемъ рабовъ своихъ“! Поэтому-то Златоустъ и не усумнился власть пастырскую поставить даже выше царской. „Священство, говоритъ онъ, выше власти царской. Ибо если хочешь видѣть различіе между царемъ и священникомъ, разсмотри властительство, врученное тому и другому, и видишь, что священникъ возсѣдаетъ гораздо выше царя. Хотя намъ удивительнымъ кажется престолъ царскій, по причинѣ драгоцѣнныхъ камней и золота, которыми онъ украшенъ, однакоже самому царю предоставлено управленіе дѣлами земными; между тѣмъ какъ престолъ священника утвержденъ въ небеси, и онъ получилъ власть провозвѣщать о вещахъ небесныхъ. Посему онъ также долженъ быть названъ царемъ— и еще онъ гораздо почетнѣе царя. Ибо когда дѣло идетъ о вещахъ небесныхъ, тогда царь къ священнику, а не священникъ къ царю обыкновенно обращается“. (Б. Вѣстн.) Такъ высока цѣль пастырскаго служенія и высоки средства къ достиженію ея. Но, будучи небесными по происхожденію своему и даже премірными, не восхищаютъ-ли они и пастыря отъ міра сего, дѣлая его какъ-бы премирнымъ? Да; положеніе пастыря въ мірѣ есть положеніе исключительное, положеніе выше міра, хотя въ тоже время и связующее его съ міромъ, какъ должнаго міръ, самовольно отчуждающій себя отъ Бога своими страстями и противленіями Божественному закону, привести къ Богу въ общеніе съ небожителями. Правда, такое положеніе пастыря въ мірѣ въ силу высоты его миссіи по отношенію къ міру, возбуждаетъ противъ него міръ, который видитъ въ пастырѣ, если можно такъ выразиться, отрицательную инстанцію всего, присущаго міру, видитъ въ немъ урокъ себѣ и призывъ къ чему-то высшему. Но пусть міръ страстный, міръ злой ненавидитъ пастыря, издѣвается надъ нимъ, признаетъ его служеніе отжившимъ, устарѣлымъ, пусть люди міра сего отводятъ пастырю послѣднее мѣсто въ обществѣ; но пастырь долженъ высоко держать свое знамя и неустанно идти къ выполненію своей высокой задачи—оживить мертвый во грѣхахъ міръ и представить его Богу въ святости,—но отнюдь не сживаться съ міромъ, не опускать рукъ потому только, что одинъ въ полѣ не воинъ. Трудно это и сопряжено съ подвигомъ самопожертвованія, но пастыри для того и избраны и поставлены, что-бы они шли и приносили плодъ и что-бы плодъ ихъ пребывалъ (Іоан. 15, 16.) Они, по слову, Спасителя, свѣтъ міра и соль земли. (Матѳ. 3. 13 14) а потому должны употребить всѣ свои силы, что-бы освѣтить міръ Свѣтомъ Христовымъ и предохранить его отъ религіозно-нравственнаго разложенія. Въ заботѣ объ этомъ они должны принести себя въ жертву своего служенія подобно Христу. Смотря на такую высоту пастырскаго служенія, невольно приходишь въ недоумѣніе и говоришь: „Господи, Господи почто Ты избралъ на сіе дѣло столь немощное, худородное и незнатное? Одна надежда на Тебя; да совершится же сила Твоя въ немощахъ нашихъ“.

Священникъ *Михаилъ Острицкій.*

М. Вязынь.

Церковное торжество въ Вязынской церкви, Вилейскаго уѣзда, 2 іюля 1902 года.

2-го сего іюля, въ день положенія ризы Пресвятыя Богородицы, прихожане Вязынской церкви торжественно совершили празднованіе дня 2-й годовщины освященія своей новоустроенной приходской церкви, съ коимъ соединилось и другое духовное религіозно-патріотическое торжество—освященія сооруженной приходомъ и попечительствомъ иконы Знаменія Божіей Матери, именуемой Коренно-Курской, въ рѣзномъ золоченномъ кіотѣ, въ металлической посеребреной ризѣ, за сумму 200 руб., высотою до 4 аршинъ. Постановленіемъ прихожанъ и попечительства Вязынской церкви, рѣшено было ознаменовать выздоровленіе Его Императорскаго Величества отъ постигшей болѣзни въ 1900 году, какимъ-либо величественнымъ памятникомъ. Принимая во вниманіе, что Вязынскій приходскій храмъ посвященъ имени Царицы Небесной и освященъ въ день положенія Ея

честныя ризы, то самымъ лучшимъ памятникомъ по единогласному рѣшенію прихода было желаніе соорудить икону Божіей Матери. Совершившееся злодѣчніе въ г. Курскѣ 8 марта 1898 года, въ Знаменскомъ монастырѣ и отысканіе въ концѣ 1901 года злоумышленниковъ сего злодѣянія, произведшихъ взрывъ чудотворной Коренно-Курской иконы и недостигшихъ цѣли своего злого умысла, дало сразу толчекъ прихожанамъ прославить Царицу Небесную, сооруженіемъ Ея чудотворной Коренно-Курской иконы, каковую и посвятить въ память выздоровленія Его Императорскаго Величества отъ болѣзни, постановкою оной въ своемъ приходскомъ храмѣ съ соотвѣтствующею сему событію надписью на иконѣ, и по освященіи оной 2 іюля, день сей ежегодно молитвенно праздновать всемъ приходомъ, съ молебнымъ пѣніемъ предъ сею св. иконою о здравіи Монарха и всего Царствующаго дома. По доведеніи о семъ до свѣдѣнія Его Высокопреосвященства, было получено разрѣшеніе молитвенно праздновать сей день и освятить икону 2 іюля. И вотъ это духовное торжество совершилось. Въ вышеуказанный день съ самаго ранняго утра народъ началъ собираться въ большомъ количествѣ въ храмъ Божій не только изъ своего прихода, но и изъ сосѣднихъ. Каждый изъ нихъ желалъ быть участникомъ сего духовнаго рѣдкаго торжества и принести свою посильную жертву Царицѣ Небесной о здравіи обожаемаго Монарха. Не станемъ говорить о подъемѣ религіознаго духа богомольцевъ въ сей день: онъ великъ. Новый, величественный, сіяющій, раззолоченный кіотъ съ прекрасно-написаннымъ образомъ Знаменія Божіей Матери, съ пророками, съ металлическою пластинкою на коей имѣется слѣдующая надпись: „сія икона Знаменія Божіей Матери сооружена прихожанами Вязынской церкви и освящена 2 іюля 1902 года въ молитвенную память объ исцѣленіи отъ болѣзни Гисударя Императора Николая II, въ металлической посеребреной ризѣ, и освященіе оной, совершенное сонмомъ іереевъ во главѣ съ о. Молодечненскимъ благочиннымъ, стройное нотное пѣніе пѣвчихъ, исполнившихъ прекрасно нѣкоторыя церковныя пѣснопѣнія, молебное пѣніе, масса горящихъ свѣчъ у освященной иконы, полная церковь богомольцевъ, чему способствовала стоявшая погода, совершенный соборне крестный ходъ по окончаніи Богослуженія, съ несеніемъ освященной иконы, по окончніи коего обычное многолѣтіе, и въ заключеніе сказанное слово о. благочиннымъ: о необходимости свято чтить день 2 іюля, какъ день важный для прихода—все это вмѣстѣ взятое придавало церковному празднеству особо-торжественный характеръ и произвело въ богомольцахъ самое отрадное впечатлѣніе. Каждый изъ нихъ былъ исполненъ духовной радости и благодарности Царицѣ Небесной, соизволившей принять ихъ посильныя лепты и молитвы о здравіи Монарха. Отъ имени прихожанъ и попечительства выразилъ благодарность къ мѣстному священнику за сооруженіе иконы членъ церковнаго попечительства, мѣстный народный учитель Николай Петровичъ Зубковскій. По цѣлованіи св. Креста мѣстный священникъ благодарилъ всѣхъ прихожанъ и членовъ церковнаго попечительства за ихъ лепты, данныя добровольно на сооруженіе иконы и ихъ вѣрноподданныя чувства къ обожаемому Монарху. Вечеромъ соборне былъ совершенъ акафистъ у освященной иконы. Такъ совершилось наше духовное, торжественное празднованіе второй годовщины освященія храма и освященія иконы Знаменія Божіей Матери, оставившее въ сердцахъ всѣхъ участниковъ онаго самое пріятное впечатлѣніе.

Торжество сіе почтили своимъ присутствіемъ г. вилейскій исправникъ, становой приставъ, учитель Вилейскаго городскаго училища И. В. Шеленинъ.

Священникъ Вязынской церкви

Іоаннъ Имшенниковъ.

Поразительный случай изъ современной пастырской практики.

Въ городѣ Ж. болѣе двадцати лѣтъ проживалъ уважаемый всею округою, пользовавшійся всеобщимъ довѣріемъ за свое добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, занимавшій видный и весьма отвѣтственный постъ П. И. К.

Нѣкоторые изъ знавшихъ его и имѣвшихъ въ немъ надобность по разнымъ дѣловымъ операціямъ были увѣрены, что онъ лютеранинъ: въ церкви его никогда не видали, въ канцеляріи у него весьма часто можно было встрѣтить являвшихся по дѣлу нѣмцевъ-колонистовъ, съ которыми онъ свободно говорилъ на ихъ родномъ языкѣ.

И вотъ въ половинѣ минувшаго м. февраля, въ квартирѣ одного изъ мѣстныхъ священниковъ, въ 12 часу ночи, раздается звонокъ: явились просить къ умирающему К., чтобы помолиться у его болѣзненнаго одра. Священникъ выражаетъ удивленіе, что К. православный, высказываетъ это вслухъ предъ явившимся приглашать къ больному, но тотъ увѣряетъ, что больной рожденъ въ православной вѣрѣ и считается принадлежащимъ къ православной церкви, но что онъ человѣкъ, въ молитвы церкви не вѣрующій и обрядовъ церкви и церковнаго богослуженія не признающій; въ теченіи послѣднихъ, двадцати приблизительно лѣтъ, онъ ни разу не обращался къ молитвамъ Церкви въ своихъ духовныхъ

нуждахъ; теперь онъ болѣе сутокъ находится въ безсознательномъ состояніи, заболѣлъ нѣсколько дней тому назадъ инфлуэнцой, осложнившейся потомъ воспаленіемъ легкихъ; лечатъ его лучшіе врачи города, и сейчасъ у его постели находятся два врача, по мнѣнію которыхъ, больной не подаетъ никакой надежды на выздоровленіе; въ состояніи полнаго сознанія больной не допустилъ бы къ себѣ священника: „да и теперь рѣшились", добавилъ прибывшій за священникомъ, „пригласить васъ, батюшка, не ради умирающаго, ему ужъ все равно онъ безъ сознанія, а ради душевнаго умиротворенія родныхъ, окружающихъ больного; они-то желаютъ, чтобы около больного помолился православный священникъ; пусть умретъ, сопутствуемый молитвами родной ему въ годы его дѣтства и юности Церкви".

Священникъ счелъ своимъ долгомъ взять съ собою все необходимое для напутствованія умирающаго, взялъ и Св. Дары. Не вѣрилось, чтобы человѣкъ, готовящійся на судъ Божій, но не принесшій покаянія, остался въ послѣдніе часы жизни безъ просвѣтленія разума. По пути къ больному священникъ отъ сопровождавшаго его узналъ, что умирающій —человѣкъ души необычайно доброй, чуткой къ горестямъ человѣческимъ, жизни безупречной; зарабатывая въ годъ до 15 тысячъ рублей, весь свой заработокъ онъ употреблялъ на вспомоществованіе бѣднымъ и роднымъ и чужимъ: что нерѣдко онъ творилъ доброе дѣло, о которомъ никто изъ близкихъ его и не подозрѣвалъ; что вотъ онъ только въ Бога-то какъ будто не вѣровалъ, но въ остальномъ онъ человѣкъ, достойный полнаго уваженія. Пріѣзжаетъ священникъ къ больному; на вопросъ,—живъ ли больной, отвѣчаютъ: „живъ, но въ сознаніе не приходилъ и не приходитъ". Священникъ идетъ въ комнату умирающаго, тамъ у постели больного были два врача, было еще нѣсколько человѣкъ, которымъ, надо думать, дорогъ былъ умирающій, въ томъ числѣ и родственники. Послѣ общаго привѣтствія къ присутствующимъ, священникъ спросилъ, въ какомъ положеніи больной. Врачи отвѣчали: „безъ сознанія, ничего не понимаетъ, въ полномъ бреду". Священникъ подошелъ къ постели, на которой лежалъ больной, на спинѣ, откинувши въ стороны руки; воротъ сорочки былъ растегнутъ, видно было, что больному не доставало воздуха; онъ бредилъ въ слухъ, не внятно, но громко, повидимому все о дѣлахъ, которыя занимали больного, когда былъ здоровъ; слышны были и нѣмецкія фразы; глаза больного были закрыты. Священникъ зажегъ восковую свѣчу, положилъ правую руку на голову больного и, назвавши его по имени и отечеству, тихо, но внятно спросилъ: „не желаете ли помолиться Богу?„ Больной открылъ глаза, блуждающій взглядъ остановился на священникѣ; и вотъ въ глазахъ стало проявляться сознаніе, и больной слабымъ голосомъ повторилъ: „ахъ батюшка! Какъ хорошо, что вы пришли! Очень хочу помолиться. Помолитесь, батюшка!" Священникъ возложилъ на себя епитрахиль и, съ восковой свѣчей въ рукахъ у изголовья больного сталъ читать молитвословія, положенныя при напутствованіи умирающихъ. Больной отчетливо сталъ повторять за священникомъ обычныя, всякому православному христіанину извѣстныя, начальныя молитвы. А когда священникъ приступилъ къ чтенію нарочитыхъ молитвъ при напутствованіи больныхъ,—молитвъ, больному незнакомыхъ, послѣдній въ это время устремилъ вполнѣ сознательный взоръ свой на висящую въ ногахъ его кровати, на стѣнѣ, иконку и внималъ тому, что читалъ священникъ. Окончилось чтеніе приготовительныхъ предъ исповѣдью и причащеніемъ больного молитвъ: священникъ попросилъ присутствовавшихъ выдти изъ комнаты умирающаго. Близко наклонившись къ больному, священникъ спросилъ его: „не желаете ли исповѣдаться и причаститься Святыхъ Таинъ?" Больной отвѣчалъ: „очень бы хотѣлъ, батюшка. Давно я не исполнялъ этого святого дѣла. Но почему вы мнѣ предлагаете? Развѣ я умираю?"—„Нѣтъ, другъ мой. Я не смерть вамъ принесъ, а небесное лѣкарство. Земныхъ врачей около васъ много, пусть они дѣлаютъ свое дѣло, врачебная наука отъ Бога, я предлагаю вамъ обратиться теперь къ Небесному Врачу". „Хорошо, батюшка. Я хочу исповѣдаться и причаститься Святыхъ Таинъ". Больной исповѣдалъ грѣхи свои. Приступая къ причащенію больного, священникъ спросилъ послѣдняго, можетъ ли онъ подняться, присѣсть. Тотъ отвѣчалъ: „нѣтъ батюшка, я очень слабъ, прошу причастить меня въ этомъ положеніи". Священникъ причастилъ. Больной благоговѣйно принялъ Святые Дары, принялъ потомъ и приготовленную теплоту и набожно перекрестился." „Поздравляю васъ съ принятіемъ Святыхъ Таинъ", сказалъ священникъ: „пусть это причащеніе будетъ вамъ во исцѣленіе души и тѣла". Дай Богъ, батюшка. Очень бы желалъ еще пожить, поработать для бѣдныхъ и сиротъ: да врядъ ли: вѣдь мнѣ уже не мало лѣтъ (ему 62 годъ), да и болѣзнь моя тяжелая". Священникъ ободрилъ и успокоилъ больного, посовѣтывалъ ему, если выздоровѣетъ, непремѣнно придти въ церковь, возблагодарить Бога за Его милость къ нему. „О, непремѣнно, батюшка приду. Даю вамъ обѣщаніе. Благословите меня, батюшка, дайте я васъ поцѣлую на прощаніе; благодарю васъ батюшка, спаси васъ Богъ за то, что вы пришли ко мнѣ". Больной, дотолѣ не могшій самъ двинуться, обхватилъ руками священника и крѣпко поцѣловалъ его. Священникъ, благословивъ затѣмъ больно-

го отправился домой. Изумленіе и ужасъ объяли всѣхъ присутствовавшихъ. Радость наполнила сердца родныхъ: больной, который въ теченіи многихъ лѣтъ не чувствовалъ потребности въ общеніи съ церковію, больной, относительно котораго близко знавшіе его и близкіе ему люди были увѣрены, что онъ въ состояніи сознанія не допуститъ къ себѣ священника: больной, къ которому рѣшились пригласить священника только потому, что этотъ больной и чувствовать не будетъ этого, ибо былъ безъ сознанія долгое время, что въ молитвахъ церкви чувствовали потребность окружавшіе больного, а не самъ больной,— и этотъ-то больной, когда къ нему служитель Божій, вдругъ, къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ въ томъ числѣ и врачей, просвѣтлѣлъ разумомъ и истинно по-христіански исполнилъ послѣдній долгъ христіанина, исповѣдался и причистился Святыхъ Таинъ такъ искренне, чистосердечно и благоговѣйно, какъ дай Богъ всякому, неуклонно вѣрующему христіанину. Когда священникъ уходилъ отъ умирающаго, выбѣжалъ въ прихожую фельдшеръ (еврей) и съ изумленіемъ произнесъ: „Батюшка, да что же это такое? Вѣдь больной былъ предъ вашимъ приходомъ долгое время безъ сознанія и никакъ нельзя было ожидать, что онъ придетъ въ сознаніе!“ Священникъ отвѣтилъ: „невозможное людямъ возможно Богу“. Достойно вниманія, что больной вскорѣ послѣ ухода священника опять впалъ въ забытье и въ сознаніе уже не приходилъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 9 часу утра. Кто-то изъ родныхъ, тотчасъ по уходѣ священника, хотѣлъ воспользоваться пробужденіемъ сознанія дорогого больного и поговорить съ нимъ. Но больной отклонилъ, сказавъ „если только разговоръ будетъ о дѣлахъ, то оставь до утра“. И послѣ этого сознаніе помрачилось. Поистинѣ Богъ *не хотяй смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему, долготерпитъ на насъ, не хотя да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе пріидутъ* (2 Петр. 3, 9).

Протоіерей *І. Тихомировъ*.

Особая трудность пастырскаго служенія въ приходахъ со смѣшаннымъ населеніемъ.

Изъ записокъ православнаго сельскаго священника.

Во многихъ западно-русскихъ епархіяхъ есть немалое число сельскихъ приходовъ, гдѣ наряду съ православными проживаютъ и католики. Православному приходскому священнику приходится здѣсь не только пасти ввѣренное ему стадо, но и охранять его отъ чужихъ вліяній. Охранять же паству отъ иновѣрныхъ вліяній—дѣло очень трудное, требующее отъ православнаго пастыря неустанной энергіи, осмотрительности и знанія. Трудъ этотъ достигаетъ высшихъ, почти невозможныхъ предѣловъ въ приходахъ, гдѣ католическое населеніе далеко превосходитъ своею численностію православное. Здѣсь католичество всегда даетъ себя чувствовать особенно сильно. Благодаря своему меньшинству, православные естественно во многомъ подчиняются вліянію своихъ сосѣдей-католиковъ, какъ-то: въ соблюденіи нѣкоторыхъ праздниковъ и постовъ, въ выполненіи обычаевъ и обрядовъ, принятыхъ православною церковію, но узаконенныхъ въ церкви католической и т. под. Но, что всего важнѣе,—въ приходахъ съ преобладающимъ католическимъ населеніемъ неизбѣжна борьба на почвѣ вѣроисповѣдной. И вотъ почему. Обыкновенно въ такихъ приходахъ всегда имѣется масса смѣшанныхъ семействъ, въ которыхъ отецъ или мать принадлежитъ къ католической церкви. А эти семейства, какъ извѣстно, главнымъ оброзомъ и служатъ ксендзамъ удобною почвою для сѣянія католическаго ученія въ средѣ православныхъ. Слѣдствіемъ чего бываетъ то, что въ смѣшанныхъ семействахъ иногда появляются „упорствующіе“, т. е. такіе православные, кои не только открыто уклоняются отъ посѣщенія православныхъ храмовъ Божіихъ и исполненія долга исповѣди и св. причастія у православныхъ священниковъ, но и старательно избѣгаютъ всякой встрѣчи съ послѣдними. Гдѣ же эти тайные отступники исповѣдаются и причащаются? Къ прискорбію,—у ксендзовъ, своихъ совратителей, только тайно, боясь отвѣтственности предъ закономъ.

Горе тому православному пастырю, въ приходѣ котораго есть упорствующіе. Много труда и усилій онъ долженъ употребить, чтобы склонить ихъ возвратиться на путь спасительной истины. Конечно, не легко, даже невообразимо трудно, разсѣять въ сердцахъ ихъ тотъ густой мракъ недовѣрія и ужасныхъ сомнѣній, который навѣянъ имъ врагами православія, однако пастырь въ такомъ святомъ дѣлѣ не долженъ падать духомъ: ему обязательно нужно добиться положительнаго результата. Если же онъ оставитъ упорствующихъ въ покоѣ, то ему самому будетъ угрожать постоянная опасность, что болѣзнь ихъ (заблужденіе), имѣющая острый эпидемическій характеръ распространится на здоровыхъ овецъ его стада, свято чтущихъ свое родное православіе.

Справедливость требуетъ замѣтить, что ни одинъ изъ католиковъ-мірянъ не пропитанъ такою ненавистію къ православной вѣрѣ и ея обрядамъ, какою бываютъ пропитаны упорствующіе. Это въ высшей степени печальное явленіе по нашему мнѣнію, основанному на опытѣ, объясняется ничѣмъ инымъ, какъ тѣми неблаговидными средствами, какія употребляютъ ксендзы при совращеніи православ-

ныхъ въ католичество. Они-то, пользуясь темнотою и невѣжествомъ совращаемаго въ знаніи имъ вѣроисповѣдныхъ разностей, при помощи иногда неправды и даже клеветы, поселяютъ въ душѣ его отвращеніе къ его вѣрѣ и ея духовнымъ представителямъ—православнымъ пастырямъ. Но зачѣмъ все это дѣлается ксендзами? Не погрѣшимъ, если скажемъ что такъ поступаютъ католическіе пастыри съ тѣмъ, чтобы разъ на всегда преградить совращаемому путь къ возврату въ лоно св. православной церкви. Мало этого, въ данномъ случаѣ преслѣдуется и другая, еще болѣе недостойная цѣль: сдѣлать совращаемаго надежнымъ орудіемъ въ дѣлѣ успѣшнаго распространенія латинскихъ вѣроисповѣдныхъ и обрядовыхъ идей, въ видахъ пропаганды. Быть можетъ насъ спросятъ: почему православные священники смѣшанныхъ приходовъ не предпринимаютъ своевременныхъ мѣръ къ пресѣченію еще въ зародышѣ столь пагубнаго для православія зла? Въ томъ-то и дѣло, что хитрые враги православія не у спящихъ только пастырей, а и у бодрствующихъ на стражѣ —ухищряются тайно, неуловимо сѣять плевелы среди пшеницы. Оттого-то на православной нивѣ Христовой выростаютъ, сверхъ всякаго ожиданія, терніи въ образѣ упорствующихъ тамъ, гдѣ раньше ихъ никакъ нельзя было предвидѣть. Вотъ почему православнымъ пастырямъ всегда почти приходится считаться съ совершившимися уже фактами.

Отсюда становится очевиднымъ, что въ смѣшанныхъ приходахъ, для охраненія православія, священнику необходимо обладать вмѣстѣ съ голубиною чистотою и зміиною мудростію. Первое и самое важное здѣсь—это особая внимательность и осторожность къ самому себѣ, къ своему собственному положенію. Если этимъ онъ не достигнетъ какихъ-либо положительныхъ результатовъ, напримѣръ, не привлечетъ иновѣрцевъ подъ кровъ православной церкви, то, по крайней мѣрѣ, не дастъ имъ повода хулить православіе, возмущать паству противъ своего пастыря, а иновѣрнымъ пастырямъ вторгаться въ стадо за похищеніемъ его православныхъ овецъ. Гораздо большее значеніе въ дѣлѣ огражденія паствы отъ иновѣрныхъ вліяній въ подобныхъ приходахъ имѣетъ дѣятельность пастыря, направленная именно въ сторону защиты пасомыхъ отъ иновѣрныхъ вліяній. Самая обычная форма проявленія пастырской дѣятельности въ этомъ смыслѣ—это, конечно, проповѣдь, въ которой, уча своихъ, пастырь не можетъ не входить въ опроверженіе чужихъ воззрѣній. Разумѣется, одною проповѣдію въ семъ случаѣ ограничиваться бываетъ нельзя и необходимо прибѣгать къ другимъ мѣрамъ, выборъ которыхъ всецѣло зависитъ уже отъ благоразумія и опытности самого же православнаго пастыря. Но такъ или иначе онъ долженъ всегда дѣйствовать въ духѣ христіанской любви, все равно будь въ его приходѣ католики ли, или другіе иновѣрцы. Предъ своимъ же мысленнымъ взоромъ онъ постоянно обязанъ имѣть образъ добраго пастыря, готоваго положить душу свою за овцы своя.

Священникъ *Іоаннъ Никифоровскій.*

О руковязаніи при совершеніи чина вѣнчанія.

Въ нынѣшнихъ требникахъ, употребляемыхъ въ православной русской церкви, въ чинѣ вѣнчанія читаемъ: „и абіе пріемъ я (новобрачныхъ) священникъ, куму держащу созади вѣнцы, обращаетъ яко образомъ круга. И поетъ священникъ или людіе настоящія тропари во гласъ 5: Исаіе ликуй“. Таково требованіе чина. На практикѣ это исполняется не вездѣ одинаково. Въ однихъ мѣстахъ (на сѣверѣ Россіи) священникъ, совершая съ новобрачными круговое хожденіе, соединяетъ у нихъ предварительно правыя руки, потомъ налагаетъ на ихъ руки конецъ епитрахили и, придерживая его своею рукою, обводитъ новобрачныхъ вокругъ аналоя. Въ другихъ мѣстахъ, преимущественно на юго-западѣ, въ томъ числѣ и въ нашей епархіи, къ указаннымъ обрядамъ присоединяется еще и руковязаніе. Состоитъ оно въ слѣдующемъ. Предъ моментомъ хожденія вокругъ анолоя, т. е. немедленно послѣ преподанія новобрачнымъ общей чаши, даютъ священнику, совершающему вѣнчаніе, руковязникъ. Это—кусокъ какой-либо матеріи (преимущественно цѣнной—напр., шелковой), но чаще всего платокъ, качество котораго зависитъ отъ матеріальныхъ достатковъ вѣнчающихся. Платокъ, служащій руковязникомъ, обычно бываетъ такой величины, чтобы имъ удобно было связать соединенныя руки новобрачныхъ. Этимъ-то руковязникомъ священникъ и связываетъ правыя руки жениха и невѣсты, а потомъ уже полагаетъ на нихъ (руки) конецъ епитрахили и совершаетъ круговое хожденіе.

Обычай связывать руки брачущимся настолько сроднился съ жизнью малороссовъ, что выраженіе „связать руки“ на малороссійскомъ языкѣ равнозначуще выраженію вступить въ бракъ, повѣнчаться. Поэтому въ малороссійскихъ свадебныхъ пѣсняхъ сплошь и рядомъ мы встрѣчаемъ это выраженіе съ указаннымъ значеніемъ. Иногда оно употребляется здѣсь самостоятельно, безъ всякихъ поясненій, какъ вполнѣ понятное; иногда же—вмѣстѣ съ терминомъ повѣнчаться, „взяты шлюбъ“. Такъ, въ свадебной пѣснѣ:

Що-жъ вамъ, дитки, казалы,
Що довго такъ въ церкви держалы?
Казалы, матинко, казалы:
Съ панычемъ руки вязалы—

мы видимъ примѣръ употребленія разсматриваемаго выраженія безъ поясненій; а въ пѣснѣ:

Полеты, соколоньку, попередъ насъ,
Занесы вистоньку видъ насъ:
Нехай выходыть матинка съ калачемъ,
Звязалы іи доненьку съ панычемъ.
Чы съ панычемъ, чы не съ панычемъ
Звинчалы ю съ мужыкомъ,
Звязалы били ручки рушныкомъ—

оно употреблено на ряду съ выраженіемъ—„звинчаты“ [1]).

Нужно, кромѣ того, замѣтить еще, что простой народъ придаетъ руковязанію весьма важное значеніе, видитъ въ немъ совершительный моментъ таинства брака и вѣнчаніе, совершенное безъ руковязанія, считаетъ недѣйствительнымъ. Протоіерей Хойнацкій разсказываетъ, что ему извѣстенъ такой случай: въ одномъ селѣ въ Малороссіи, за отсутствіемъ мѣстнаго священника, вѣнчаніе совершилъ полковой священникъ и, какъ великороссъ, совершилъ его безъ руковязанія и присяги. Повѣнчанная имъ чета вслѣдствіе этого считала себя не состоящей въ законномъ бракѣ, не связанной [2]).

Откуда же явился въ Малороссіи разсматриваемый обычай и почему ему придаютъ такое важное значеніе?

Отвѣчая на первый изъ поставленныхъ вопросовъ, мы прежде всего отмѣтимъ то обстоятельство, что въ интересующемъ насъ обрядѣ нужно различать три момента:—первый—соединеніе правыхъ рукъ новобрачныхъ, второй—связываніе ихъ платкомъ и третій—покрытіе ихъ концомъ епитрахили.

Что касается перваго дѣйствія, т. е. соединенія рукъ новобрачныхъ, то указаніе на него встрѣчается въ древнихъ чинахъ греческихъ и въ чинахъ древнихъ и современныхъ церкви римской [3]). Въ нынѣшнихъ греческихъ чинахъ соединять руки новобрачныхъ уже не предписывается, но на практикѣ, сколько намъ извѣстно, это дѣлается въ Греціи и въ настоящее время. Изъ Греціи этотъ обрядъ перешелъ и въ Россію, гдѣ удерживается поднесь, не смотря на то, что въ требникѣ о немъ не упомянуто.

Для втораго дѣйствія, т. е. вязанія рукъ, основаній въ практикѣ церкви восточной не находимъ и потому источникомъ его нужно считать практику церкви западной, которая (практика) перешла къ намъ въ данномъ случаѣ, можетъ быть, чрезъ посредство требника Петра Могилы и утвердилась подъ вліяніемъ требниковъ уніатскихъ. По западно-римскому ритуалу, священникъ, послѣ перемѣны брачущимся колецъ связываетъ ихъ руки „стулой“ (наша эпитрахиль) и требуетъ отъ нихъ произнесенія установленной формулы, которая носитъ названіе присяги. То же самое мы находимъ и въ требникѣ Петра Могилы. Здѣсь послѣ молитвы: „Благословенъ еси, Господи Боже нашъ, тайнаго и честнаго брака священнодѣйственниче“... читаемъ: „абіе іерей вземъ шуицею своею десницу женихову, десницею же десницу невѣстину: и обоя сопрягъ въ купѣ, подемлетъ епитрахиля конецъ, и аки обвязуя крестообразно обвиваетъ я тѣмъ, и сице придержа, повелѣваетъ има обѣтъ другъ другу творити и предъ Богомъ словами сими бракъ законный составляющими: въ первыхъ женихъ по единому словеси іерею предвѣщающу, въ еже услышатися и отъ іерея, и отъ предстоящихъ, свойственнымъ русскимъ языкомъ глаголетъ, рекшу іерею: мовъ за мною: Я имярекъ беру собѣ тебе имярекъ за малжонку, и шлюбую тобе милость, вѣру и учтивость малженскую, а ижъ тебе не отпущу ажъ до смерти, такъ ми Боже въ Троици Святой и единый помози и вси святіи. Скончавъ же сія абіе іерей невѣстѣ повелѣваетъ глаголати, самъ предвѣщая словеса сія, она же такожде уразумительнѣ да глаголетъ, въ еже и отъ іерея, и отъ предстоящихъ услышаннымъ быти глаголомъ ея іерею рекшу: мовъ за мною: Я имярекъ беру собѣ тебе имярекъ за малженка, и шлюбую тобѣ милость, вѣру, учтивость и послушенство малженское, а ижъ тебе не отпущу ажъ до смерти, такъ ми Боже въ Троици Святой единый помози и вси святіи. Аще же сія безъ претькновенія оба изрекутъ вразумительнѣ, іерей шуйцею придержа руцѣ ею, десницею благословляетъ крестообразно глаголя: еже Богъ съчета, человѣкъ да не разлучаетъ“ (стр. 416—417).

Въ уніатскихъ требникахъ послѣ словъ: „яже Богъ сочета“ непосредственно слѣдуютъ еще взятыя буквально изъ латинскихъ ритуаловъ слова: „И убо азъ, недостойный рабъ Божій, властію мнѣ данною соединяю васъ въ тое святое малженство и оное властію церкви святыя каѳолическія утверждаю и знаменаю: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь“.

Такимъ образомъ, въ католическихъ и уніатскихъ требникахъ вязаніе рукъ брачущихся категорически предписывается, но, во-первыхъ, моментъ совершенія этого дѣйствія указывается не тотъ, въ какой обычно оно теперь имѣетъ мѣсто, а во-вторыхъ —здѣсь идетъ рѣчь лишь о вязаніи епитрахилью, а не платкомъ. Однако всѣ эти разности не говорятъ

---

[1]) Подобныхъ пѣсней много издано П. Чубинскимъ въ 4 т. Трудовъ Этнографическо-статистич. экспедиціи въ Западно-русскій край. С.-Петерб. 1877 г.

[2]) Хойнацкій: „Западно-русская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ“. Кіевъ, 1871 г., стр. 283, примѣч.

[3]) См. чины, издан. Гоаромъ въ его Евхологіи, а также чины, издан. Мартеномъ въ соч. De antiquis ecclesiae ritibus, IV.

противъ высказаннаго нами положенія, что обрядъ руковязанія создался у насъ подъ вліяніемъ католической практики. Они указываютъ лишь на то, что католическій обрядъ, перенесенный на почву чина православной церкви, подвергся нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ примѣнительно къ требованіямъ тѣхъ новыхъ условій, въ какія онъ былъ поставленъ. Въ самомъ дѣлѣ, католическій ритуалъ требуетъ, чтобы священникъ связывалъ епитрахилью руки вѣнчающихся, и сдѣлать это католической „стулой“ очень удобно, въ виду ея формы и матеріала, изъ котораго она устроятся. Но епитрахиль, употребляемая въ православной церкви, подобныхъ удобствъ не представляетъ. Между тѣмъ и въ требникѣ Петра Могилы и въ уніатскихъ требникахъ предписывалось обвязывать крестообразно руки брачущихся епитрахилью. Православный и даже уніатскій священникъ, пользовавшіеся Могилянскимъ или подобнымъ ему требникомъ, очевидно, поставленъ былъ въ недоумѣніе, какъ выполнить такое требованіе. Но здѣсь на выручку къ нимъ явился обычай малороссовъ употреблять при свадебныхъ обрядахъ и церемоніяхъ „рушныки“ и „хустки“. Послѣдними, какъ извѣстно, въ Малороссіи перевязываютъ руки всѣмъ участникамъ брачнаго торжества, преимущественно же родственникамъ жениха и невѣсты. Давали ихъ даже и священнику—отчасти въ знакъ уваженія къ нему, а отчасти въ качествѣ платы за совершеніе требы.

Спасыби-жъ тоби, попоньку!
Не багато взявъ копоньку,
Два таляры быты
Та дви хусточки шитыи—

поется въ одной свадебной пѣснѣ. Принявъ во вниманіе указанный обычай употребленія платковъ на свадебныхъ торжествахъ, малороссійскіе священники естественно могли прійти къ мысли связывать руки брачущихся не епитрахилью, что было почти невозможно, а платкомъ. Но чтобы и епитрахиль не была совершенно устранена изъ обряда, конецъ ея просто полагался на связанныя руки вѣнчающихся. Такимъ путемъ, по нашему мнѣнію, явился обычай связывать руки новобрачныхъ платкомъ, или „рушникомъ“.

Даютъ, впрочемъ, и другое объясненіе происхожденія разсматриваемаго обряда. Покойный протоіерей Хойнацкій, наприм., не отрицая, что руковязаніе платкомъ выродилось изъ практикующагося въ католической церкви вязанія стулой, однако замѣчаетъ: „смышленые уніатскіе парохи сообразили, что вмѣсто епитрахиля полезнѣе въ данномъ случаѣ употреблять платокъ, потому что онъ долженъ переходить въ руки вяжущаго; а богатыя семейства въ западной Россіи и теперь даютъ платки очень цѣнные“ [1]). Но едва ли это такъ, Намъ думается, что еслибы эти парохи не имѣли въ виду существовавшаго уже обычая употреблять платки, то они, какъ „смышленные“, придумали бы что-либо болѣе для себя выгодное. Вѣдь цѣнные платки даютъ очень рѣдко; чаще же всего даже и теперь даютъ платки очень дешевые, а въ нихъ что за корысть?

Другой пунктъ различія между католическимъ-уніатскимъ обрядомъ руковязанія и практикующимся нынѣ у насъ усматривается во времени ихъ совершенія. У католиковъ и уніатовъ вязаніе рукъ имѣетъ мѣсто въ самомъ почти началѣ чина вѣнчанія, а у насъ въ концѣ его. Причиною такой перестановки послужило, нужно думать, слѣдующее обстоятельство. Народъ (да и духовенство) съ теченіемъ времени очень свыкся съ обрядомъ руковязанія, которому, какъ замѣчено выше, придавалъ существенно-важное значеніе. Между тѣмъ, когда уніатскія и подобныя имъ богослужебныя книги были изъяты изъ церковнаго употребленія и когда введены были книги, составленныя въ духѣ строго православномъ, въ послѣднихъ не оказалось и намека на руковязаніе. Такимъ образомъ, обычай существовалъ и непремѣнно требовалъ совершенія обряда, которому придавалось значеніе совершительнаго момента таинства, а богослужебныя книги обряду этому мѣста не отводили. Чтобы обойти это затрудненіе и, съ одной стороны, удовлетворить твердо укоренившейся въ народѣ привычкѣ, а съ другой—не стать въ полное противорѣчіе съ новымъ требникомъ, перенесли моментъ руковязанія къ концу чина вѣнчанія, ко времени круговаго хожденія около аналоя. Въ это именно время совершаетси соединеніе рукъ новобрачныхъ, которое хотя и не требуется чиномъ, но допускается у насъ по примѣру церкви Греческой. Въ послѣдней, какъ видно, напр., изъ сочиненій Симеона Солунскаго, „сплетеніе“ рукъ брачущихся совершалось дважды: первый разъ во время чина обрученія, а второй—во время самаго вѣнчанія, предъ молитвой: „Боже святый, создавый отъ персти человѣка, и отъ ребра его возсоздавый жену, и сопрягій ему помощника по нему“. Послѣ чтенія апостола, священникъ, по свидѣтельству того же Симеона Солунскаго, бралъ новобрачныхъ за соединенныя ихъ правыя руки и велъ „къ алтарю, дѣлая кругъ, въ веселіи о Христѣ воспѣвая съ пѣвчими пѣснь: Святіи мученицы“ [2]). Въ нынѣшней практикѣ Православной Русской Церкви руки новобрач-

[1]) „Западно-руськ. церк. унія“. Кіевъ, 1871, стр. 282, примѣч. 1.

[2]) „Писанія отц. и учит. по изъясн. богослуж.“, ч. II, стр. 355—356, 360. Замѣтимъ, кстати, что во времена Симеона Солунскаго (XIV—XV в.) при вѣнчаніи не пѣли еще тропаря: „Исаіе ликуй“.

ныхъ соединяются лишь послѣ преподанія общей чаши и предъ круговымъ хожденіемъ—для того, вѣроятно, чтобы священнику удобнѣе было обводить новоповѣнчанныхъ вокругъ аналоя, а также и для выраженія того, „что мужъ получилъ жену отъ руки церкви“ (Симеонъ Солунскій).

Мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, практикуется ли въ Греціи, на ряду съ соединеніемъ рукъ новобрачныхъ, возложеніе на нихъ конца епитрахили, но, кажется, что оно имѣетъ мѣсто и тамъ, и что отъ грековъ именно мы получили этотъ обычай, сохраняющійся до настоящаго времени и соединяющійся съ актомъ сплетенія рукъ новобрачныхъ [1]). Такимъ образомъ духовенство юго-западнаго края, послѣ введенія въ употребленіе требниковъ и обычаевъ Православной Церкви, нашло въ чинѣ вѣнчанія напоминаніе о прежнемъ руковязаніи именно въ перегламентируемомъ уставомъ обрядѣ соединенія рукъ новобрачныхъ предъ круговымъ хожденіемъ и, пожалуй, въ покровеніи ихъ епитрахилью, другими словами—нашло весьма удобный моментъ для пріуроченія къ нему прежняго обрядоваго дѣйствія, къ которому народъ привыкъ и безъ котораго и вѣнчанія не считалъ вѣнчаніемъ, т. е. для связыванія рукъ. Перенося этотъ обрядъ къ концу чина, практика юго-западной Церкви удовлетворила, съ одной стороны, требованію обычая, а съ другой— нисколько не стала въ противорѣчіе съ самымъ чиномъ вѣнчанія, что несомнѣнно случилось бы, еслибы руковязаніе отнесено было къ какому-либо другому моменту его.

Перейдемъ теперь къ вопросу: почему простой народъ считаетъ руковязаніе такимъ важнымъ дѣйствіемъ, считаетъ его существеннымъ моментомъ вѣнчанія? Выше мы привели выдержку изъ требника Петра Могилы, изъ которой видно, что во времена господства этого требника и требниковъ уніатскихъ руковязаніе соединялось съ произнесеніемъ женихомъ и невѣстой особыхъ формулъ. Эти формулы заключались, по указанію уніатскихъ требниковъ, особыми, имѣвшими значеніе совершительныхъ, словами священника и благословеніемъ. Сверхъ того, по указанію требника Петра Могилы, женихъ и невѣста, послѣ произнесенія ими упомянутыхъ формулъ, цѣловали Евангеліе. Формулы эти носили названіе присяги и считались настолько важными, что безъ произнесенія ихъ не могло состояться вѣнчаніе. Петръ Могила по этому поводу пишетъ: „Зри, о іерею, и опасно съ храни. Аще единъ отъ новобрачныхъ предреченная обѣтовная словеса (т. е. азъ беру собѣ тебе и т. д.), *безъ нихъ же законный бракъ съставитися никакоже можетъ*, да никакоше дерзнеши венчати я, но абіе престани, има же въ своясы отъити повели“ [1]). Несомнѣнно, что и простому народу была внушена мысль о важности этой присяги, какъ и вообще всякаго клятвеннаго обѣщанія; внушено ему было также убѣжденіе, что именно въ этотъ моментъ, когда связываются руки и произносится присяга, совершается важнѣйшее дѣйствіе таинства брака. И народъ прочно усвоилъ себѣ это убѣжденіе, что выразилось между прочимъ и въ названіи самаго вѣнчанія присягой [2]). А такъ какъ присяга соединялась съ руковязаніемъ, то естественно, что ему въ народномъ представленіи усвоено было то же значеніе, какое усвоялось присягѣ. Когда же присяга была выведена изъ употребленія,—что, нужно замѣтить, совершилось не особенно давно,—и осталось въ практикѣ одно руковязаніе, народъ присвоилъ ему цѣликомъ то значеніе, какое раньше приписывалось присягѣ и соединенному съ нимъ руковязанію. Отсюда и явилось то представленіе о важности руковязанія, какое сохраняется въ средѣ малороссовъ по настоящее время.

Руковязаніе, какъ ясно изъ сказаннаго, не имѣетъ строго законныхъ основаній для своего существованія въ церковной практикѣ, а потому на вопросъ: слѣдуетъ ли его допускать или же, наоборотъ, искоренять, давали и даютъ неодинаковые по существу отвѣты. Въ большинствѣ случаевъ къ этому обычаю относятся отрицательно, и были даже примѣры прямого запрещенія его епархіальной властью. Особенно любопытно въ этомъ отношеніи распоряженіе архіепископа Черниговскаго Владиміра (упр. Черн. епарх. съ 1831 по 1836 г.). Онъ составилъ для Благочинныхъ своей епархіи особое „Указаніе“, въ которомъ даетъ имъ наставленіе, на что особенно должны они обращать вниманіе. И вотъ въ числѣ заслуживающихъ, по его мнѣнію, особеннаго вниманія явленій церковной жизни поставлено руковязаніе. Онъ, между прочимъ, писалъ, что Благочинные должны наблюдать, „не связываютъ ли при бракосочетаніи брачущимся рукъ платками или утиральниками и не держатъ ли свѣчъ, вмѣсто жениха и невѣсты, другія постороннія лица“. Если да, то благочинные должны искоренять этотъ обычай. „Поелику таковое связываніе рукъ,

[1]) Въ Малороссіи этотъ обычай могъ явиться подъ вліяніемъ тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ нами сказано выше,—слѣд., независимо отъ практики Церкви греческой или великорусской.

[1]) Стр. 417. Здѣсь въ первомъ предложеніи, очевидно пропущено сказуемое; по смыслу рѣчи, нужно подразумѣвать глаголъ: не произнесетъ, не скажетъ.

[2]) Въ одной народной пѣснѣ, гдѣ мужъ и жена говорятъ о томъ, что они повѣнчаны, въ уста ихъ влагаются такія выраженія:

Мужъ: Прысягавымъ Богу, ще и святи Пречысти,
Ще и святи Пречысти, ще и тоби нечысти
Жена: Прысягаламъ Богу, ще и святому Спасу,
Ще и святому Спасу, тоби свынопасу.

сказано въ „Указаніи“, противно благочинію св. Церкви, представляетъ собою что-то колодническое и кромѣ того препятствуетъ брачущимся при совершеніи столь важнаго таинства надъ ними брака молиться и держать въ своихъ рукахъ свѣчи; то сей обычай стараться всемѣрно истреблять, внушая чрезъ священниковъ прихожанамъ, дабы они при бракосочетаніяхъ рукъ жениху и невѣстѣ отнюдь не связывали, колодникамъ ихъ не уподобляли, креститься чрезъ то и держать въ своихъ, а не въ чужихъ рукахъ свѣчъ не препятствовали, а вмѣсто таковаго связыванія внушали бы ихъ имѣть на рукахъ при томъ перстни или кольца, кои и безъ всякаго связыванія рукъ сами собою достаточно уже образуютъ совокупное и неразрывное мужа съ женою сожительство“ [1]).

Иначе нѣсколько смотрятъ на дѣло лица, спеціально занимавшіяся изученіемъ вопросовъ изъ области пастырской практики. По ихъ мнѣнію, руковязаніе хотя и „должно въ настоящее время потерять свое значеніе, но такъ какъ борьба противъ этого обычая можетъ принести больше вреда, чѣмъ пользы, то можетъ быть допущена и благоразумная уступка этому обычаю“ [2]). Съ своей стороны замѣтимъ, что мы вполнѣ раздѣляемъ взглядъ, высказанный по данному вопросу протоіереемъ Хойнацкимъ въ его „Практическомъ руководствѣ для священнослужителей при совершеніи таинствъ“. Здѣсь онъ пишетъ: „этотъ обычай не имѣетъ въ себѣ ничего предосудительнаго, и даже, какъ наглядный знакъ взаимнаго единенія брачущихся между собою, не лишенъ своего разумнаго смысла, а потому и можетъ, гдѣ заведенъ, быть исполняемъ священникомъ безъ всякаго препятствія, безпрекословно“.

И дѣйствительно, предосудительнаго здѣсь ровно нѣтъ ничего, католическаго—почти ничего, а если и сохранились нѣкоторыя черты сходства, то онѣ настолько незначительны, что ихъ трудно и подмѣтить.

Наконецъ, то обстоятельство, что въ требникѣ ничего не говорится о руковязаніи, не можетъ служить основаніемъ для искорененія разсматриваемаго обычая. Вѣдь въ требникѣ не говорится также ничего ни о соединеніи рукъ брачущихся, ни о покрытіи ихъ концомъ епитрахили, однако эти дѣйствія совершаются, и противъ нихъ никто ничего не возражаетъ. (Подол. Еп. Вѣд.).

А. Н.

---

[1]) Могилев. Епарх. Вѣд. 1900 г., № 23, стр. 307.

[2]) Руковод. для сельск. паст. 1879, 45; 1898, 39; Церк. В. 1897, 25.

«Какъ русскіе берегли свою вѣру» [1]).

Наши предки были необычайно привержены своей православной вѣрѣ [2]) и считали только ее одну истинно-христіанскою и лучшею изъ всѣхъ вѣръ [3]). Непоколебимую стойкость православныхъ къ своей вѣрѣ прекрасно характеризуетъ еще Гербиній: измучьте русскихъ 100, умертвите 100, и изъ нихъ едва одинъ отпадетъ отъ вѣры своихъ отцевъ [4]). Насколько Русь берегла свою православную вѣру, видно, между прочимъ, изъ того, что Смутное время когда единственное спасеніе Россіи стали видѣть въ избраніи на русскій престолъ сына польскаго короля Сигизмунда—королевича Владислава, въ переговорахъ своихъ съ поляками русскіе послы не думали домогаться какихъ-либо политическихъ вольностей или же подтвержденія сословныхъ правъ, а всѣ усилія свои склоняли къ тому, чтобы Владиславъ принялъ греческую вѣру, обязался сохранить свято православіе, оберегать и умножать церкви и монастыри, принять помазаніе на царство отъ патріарха; говорятъ что Салтыковъ заплакалъ, когда сталъ просить короля о сохраненіи греческой вѣры [5]).

Православіе русскаго государя всегда было непремѣннымъ условіемъ полученія престола, чему доказательствомъ можетъ служить, между прочимъ, тотъ фактъ, что въ то-же Смутное время, идя на спасеніе Москвы и узнавъ, что шведы стоятъ подъ Тихвиномъ князь Пожарскій и Мининъ, „не хотяху видѣти православной вѣры въ латинствѣ“, вошли въ сношеніе съ новгородцами и согласились призвать на престолъ Филиппа, брата короля Шведскаго Гу-

---

[1]) Живописная Россія. 1901 №№ 45 и 46.

[2]) Въ духовномъ завѣщаніи царя Іоанна Васильевича Грознаго (сочиненномъ около 1572 г.), между прочимъ, читаемъ: „Вѣру къ Богу тверду и не постыдну держите, и научитеся Божественныхъ Догматовъ, како вѣровати, и како Богу угодное творити.. то всего больше. Знайте православную Вѣру: крѣпко за нее стражите до смерти..“ Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. Спб. 1824 г. Т. X. Прим. ст. 154.

[3]) Напримѣръ, Герберштейнъ говоритъ: „Московиты хвалятся, что они одни только христіане, а насъ осуждаютъ, какъ отступниковъ отъ первобытной церкви и древнихъ св. установленій“. (Записки о Московіи, стр. 68); Флетчеръ: „они отдаютъ предпочтеніе своей церкви предъ всѣми прочими, утверждая что у нихъ сохраняются самыя истинныя и справедливыя преданія, сообщенныя апостолами греческой церкви, а отъ нея полученныя ими“. (О госуд. русскомъ, гл. 23, стр. 86). Макарій, т. VIII, стр. 309—310, прим.

[4]) И. Соколовъ. Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Москва. 1880 г. стр. 78.

[5]) Гр. Толстой, Д. Римскій католицизмъ въ Россіи. Спб. 1876 г. Т. I, стр. 86—87.

става Адольфа (род. въ 1601 г. въ Ревелѣ, умеръ въ 1622г.), если только онъ приметъ православіе. Это предложеніе, столько-же, сколько и выборъ Владислава, ясно свидѣтельствуетъ, что переходъ престола даже въ руки иноземца не представлялъ въ современныхъ понятіяхъ невозможности; но малѣйшаго отступленія отъ правилъ Православной церкви было достаточно, чтобы возбудить весь народъ на брань отчаянную, на смерть врагамъ, стоявшимъ уже въ столицѣ государства 1).

Любопытную страницу нашей исторіи въ этомъ отношеніи представляетъ бракъ дочери великаго князя Іоанна III Васильевича и Софіи Ѳоминишны (Палеологъ)—Елены—съ Великимъ княземъ Литовскимъ Александромъ. На примѣрѣ Елены всего лучше можно видѣть, какъ эта русская княжна сумѣла сохранить православіе, несмотря на всякаго рода притѣсненія и принужденія къ принятію римской вѣры.

Продолжительная борьба Руси съ Литвою, истощавшая силы обоихъ государствъ, закончилась миромъ. 7 февраля 1494 г. написанъ былъ на хартіи съ золотою печатью договоръ, по которому оба государя, Іоаннъ III Александръ, обязались быть вездѣ за-одно и имѣть однихъ друзей и враговъ. Мало того, желая положить конецъ враждѣ съ Литвою, великій князь Іоаннъ III согласился скрѣпить свой союзъ съ Александромъ, отдавши за него свою старшую дочь, княжну Елену, славившуюся, по отзывамъ современниковъ, своею красотою и мягкостью нрава [2]). Наши великіе князья и прежде выдавали своихъ дочерей за иностранныхъ государей, но только съ непремѣннымъ условіемъ—не принуждать ихъ кп перемѣнѣ вѣры [3]). Такъ было и въ настоящемъ случаѣ, именно великій князь Іоаннъ III потребовалъ, чтобы Александръ далъ ему относительно вѣры Елениной утвержденную грамоту въ такой формѣ: „Намъ его дочери не нудить къ Римскому закону; держитъ она свой Греческій законъ". Для полученія этой грамоты и для взятія съ Александра клятвы въ соблюденіи мирнаго договора отправились въ Литву послами князья Ряполовскіе—Василій и Семенъ Ивановичи—и дьякъ Ѳедоръ Курицынъ.

Александръ, присягнувъ, размѣнялся мирными договорами, не отказался также дать грамоту о вѣрѣ будущей супруги, но велѣлъ написать ее по другой формѣ, а именно вставлено было новое обстоятельство: „Александръ не станетъ принуждать жены къ перемѣнѣ закона; но если она сама захочетъ принять Римскій законъ, то ея воля".

[1]) Гр. Толстой, Д. Т. I, стр. 94.
[2]) Тавричевскій, А. Русская исторія, Спб. 1895 г. Т. I, стр. 253.
[3]) Красноженъ, М. Иновѣрцы на Руси. Юрьевъ 1900 г., стр. 124.

Однако, это дополненіе едва не остановило брака: Іоаннъ гнѣвно велѣлъ сказать Александру, что если онъ не дастъ грамоты по прежней формѣ, то онъ не выдастъ за него дочери. Александръ уступилъ, прислалъ грамоту, какой требовалъ Іоаннъ и тотъ назначилъ срокъ пріѣзжать за Еленою—Рождество Христово, „чтобъ нашей дочери быть у великаго князя Александра за недѣлю до нашего великаго заговѣнья мяснаго" 1).

Въ январѣ 1495 гога пріѣхало въ Москву за невѣстою блестящее литовское посольство. Іоаннъ сказалъ литовскимъ посламъ: „Государь вашъ, братъ и зять мой, восхотѣлъ прочной любви и дружбы съ нами: да будетъ. Отдаемъ за него дочь свою. Скажите же ему: на чемъ онъ намъ молвилъ и листъ свой далъ, на томъ бы и стоялъ, чтобы нашей дочери никакимъ образомъ къ Римскому закону не нудилъ; если-бы даже наша дочь и захотѣла сама приступить къ Римскому закону, то мы ей на то воли не даемъ, и князь бы великій Александръ на то ей воли не давалъ же, чтобъ между нами про то любовь и прочная дружба не порушалась. Да скажите великому князю Александру: какъ дастъ Богъ, наша дочь будетъ за нимъ, то онъ бы ее такъ какъ Богъ указалъ мужьямъ женъ держать, а мы, слыша его къ нашей дочери жалованье, радовались бы тому. Да чтобъ сдѣлалъ для насъ, велѣлъ бы нашей дочери поставить церковь нашего Греческаго закона на переходахъ у своего двора, у ея хоромъ, чтобъ ей близко было къ церкви ходить, а намъ бы его жалованье къ нашей дочери пріятно было слышать. Да скажите отъ насъ епископу и панамъ вашей братьѣ, всей радѣ, да сами поберегите, чтобъ братъ нашъ и зять нашу дочь жаловалъ, и между нами братство и любовь и прочная дружба не порушилась бы" [2]).

Января 13 Іоаннъ, отслушавъ литургію въ Успенскомъ храмѣ со всѣмъ великокняжескимъ семействомъ и съ боярами, призвалъ литовскихъ вельможъ къ церковнымъ дверямъ, вручилъ имъ невѣсту и проводилъ до саней. Въ Дорогомиловѣ Елена остановилась и жила два дня. Братъ ея, Василій, угостилъ тамъ пановъ роскошнымъ обѣдомъ; мать ночевала съ нею, а великій князь два раза пріѣзжалъ обнять любезную ему дочь, съ которою разставался навѣки; онъ далъ ей слѣдующую записку: „Память великой княжнѣ Еленѣ. Въ божницу латинскую не ходить, а ходить въ греческую церковь:

[1]) Соловьевъ С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Москва. 1858г. Т. V, стр. 146—147.
[2]) Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго Спб. 1817. Т. VI, стр. 237—238.—Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. V, стр. 147.

изъ любопытства можешь видѣть первую или монастырь латинскій, но только однажды или два раза. Если свекровь твоя будетъ въ Вильнѣ и прикажетъ тебѣ идти съ собою въ божницу, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь въ свою церковь".

Невѣсту провожали князь Семенъ Ряполовскій, бояринъ Михаилъ Яковлевичъ Русалка и Прокофій Зиновьевичъ съ женами, дворецкій Дмитрій Пѣшковъ, дьякъ и казначей Василій Кулешинъ, нѣсколько окольничьихъ, стольниковъ, конюшихъ и болѣе сорока знатныхъ дѣтей боярскихъ. Въ тайномъ наказѣ, данномъ Ряполовскому, велѣно было требовать, чтобы Елена вѣнчалась въ греческой церкви, въ русской одеждѣ, и при совершеніи брачнаго обряда, на вопросъ епископа о любви ея къ Александру, отвѣтствовала: „любъ ми и не оставити ми его ни коея ради болѣзни, кромѣ Закона; держать мнѣ Греческій, а ему не нудить меня къ Римскому". Іоаннъ не забылъ ничего въ своихъ предписаніяхъ, назначая даже, какъ Еленѣ одѣваться въ пути, гдѣ и въ какихъ церквахъ пѣть молебны, кого видѣть, съ кѣмъ обѣдать и проч.

Путешествіе Елены отъ предѣловъ Россіи до Вильны было веселымъ торжествомъ для народа литовскаго, который видѣлъ въ ней залогъ долговременнаго, счастливаго мира. Въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, вельможи и духовенство встрѣчали ее съ дарами и съ любовью, радуясъ, что кровь св. Владимира соединяется съ Гедиминовою; что церковь Православная, сирая, безгласная въ Литвѣ, найдетъ ревностную покровительницу на тронѣ; что симъ брачнымъ союзомъ возобновляется древняя связь между единоплеменными народами [1]).

Александръ встрѣтилъ великую княжну за три версты отъ Вильны, окруженный дворомъ и всѣми думными панами. Невѣста и женихъ, ступивъ на разостланное алое сукно и золотую камку, подали руку другъ другу, сказали нѣсколько ласковыхъ словъ, и вмѣстѣ въѣхали въ столицу, онъ на конѣ, она въ саняхъ, богато украшенныхъ. Невѣста въ греческой церкви св. Богоматери отслушала молебенъ: боярыни моковскія расплели ей косу, надѣли на голову кику съ покрываломъ, сыпали ее хмѣлемъ и повели къ жениху въ церковь св. Станислава, гдѣ происходило вѣнчаніе: латинскій епископъ и самъ Александръ крѣпко настаивали, чтобъ русскій священникъ Ѳома, пріѣхавшій съ Еленою, не говорилъ молитвъ и княгиня Марья Раполовская не держала вѣнца, но князь Семенъ Ряполовскій, главный изъ бояръ, провожавшихъ Елену, настоялъ на томъ, чтобъ былъ исполненъ приказъ Іоанновъ: священникъ Ѳома говорилъ молитвы и княгиня Марья держала вѣнецъ [1]).

[1]) Карамзинъ. Т. VI, стр. 238—240.

По совершеніи обрядовъ, Александръ торжественно принялъ бояръ Іоанновыхъ; начались веселые пиры, открылись и взаимныя неудовольствія.

Уже отпуская бояръ, провожавшихъ Елену, князя Семена Ряполовскаго и Михаила Русалку, Александръ сказалъ: „Вы говорили отъ великаго князя Ивана Васильевича, чтобы мы дочери его, а нашей великой княгинѣ, поставили церковь Греческаго закона, на переходахъ, подлѣ ея хоромъ; но князья наши и паны, вся земля имѣютъ право и записи отъ предковъ нашихъ, отца нашего и насъ самихъ, а въ правахъ написано, что церквей Греческаго закона больше не прибавлять, такъ намъ этихъ правъ рушить не годится. А княгинѣ нашей церковь Греческаго закона въ городѣ есть близко; если ея милость захочетъ въ церковь, то мы ей не мѣшаемъ. Братъ и тесть нашъ хочетъ также, чтобъ мы дали ему грамоту на пергаментѣ относительно Греческаго закона его дочери; но мы дали ему грамоту точно такую, какой онъ самъ отъ насъ хотѣлъ: эта грамота теперь у него съ нашею печатью". Въ маѣ пріѣхалъ отъ Александра посолъ Станиславъ Петрашкевичъ изъявить Іоанну благодарность за присылку Елены и объявить, что воевода Молдавскій Стефанъ напалъ на Литовскія владѣнія; относительно Елены Александръ велѣлъ Петрашкевичу сказать слѣдующее честю: „Ты хотѣлъ, чтобъ мы оставили нѣсколько твоихъ бояръ и дѣтей боярскихъ при твоей дочери, пока привыкнетъ къ чужой сторонѣ; и мы для тебя велѣли имъ остаться при ней нѣкоторое время: но теперь пора ужъ имъ выѣхать отъ насъ, слава Богу, слугъ много, есть кому служить нашей великой княгинѣ: какая будетъ ея воля, кому что прикажетъ, и они будутъ по ея приказу дѣлать все, что только ни хочетъ".—Іоаннъ отвѣчалъ на это: „Нашъ братъ, князь великій, самъ знаетъ, съ кѣмъ тамъ его предки и онъ самъ утвердилъ тѣ права, что новыхъ церквей Греческаго закона не строить: намъ до тѣхъ его правъ дѣла нѣтъ никакого, а съ нами братъ нашъ князь великій, да и его рада, договаривались на томъ, чтобъ нашей дочери держать свой Греческій законъ, и что намъ братъ нашъ и его рада обѣщали, все теперь дѣлается не такъ" [2]).

(Окончаніе будетъ).

[1]) Соловьевъ. Т. V, стр. 149.
[2]) Соловьевъ. Т. V, стр. 150.

Редакторъ Каѳедральный Протоіерей *Іоаннъ Котовичъ*.

Дозволено цензурою 20 іюля 1902 г. Г. Вильна. Тип. Св.-Дух. Прав. Братства, Зарѣчье, домъ Братства.